

О будущем и о смысле истории

Два письма на одну тему

Геннадий Прашкевич

Строить или ждать?

Дорогой Алексей!

Мой друг палеонтолог Ёлкин (Евгений Александрович), к сожалению, уже ушедший из жизни, работал в свое время на Большом барьерном рифе в Австралии. Позже мы написали с ним книгу о другом Большом (даже Великом) рифе — ископаемом, палеозойском. О жизни на нашей планете Женя всегда говорил с восхищением. Он как бы видел далекое прошлое. Он ощущал многие его оттенки. Он чувствовал, как мириады живых существ создают свое (и наше) будущее. Он видел звезды Австралии и Тихий океан, снежный север, влажные тропики, горы; жизнь (даже в самом прямом биологическом смысле) его поражала, изумляла, он изучал разные этапы ее развития и страшно жалел, что никогда не сможет коснуться такой величественной тайны, как происхождение, возникновение жизни.

Прошлое (в планетарном, геологическом смысле) жило в его сознании.

При этом с неменьшей силой, как любой из нас, он хотел заглянуть в свое (в наше общее) будущее. Он страшно жалел, что не увидит его. Он верил в вечную праздничность будущего. К сожалению, еще раз повторю, фактическое наложение одних времен на другие невозможно: ни в далеком прошлом (доисторическом), ни в далеком Будущем (историческом) мы (индивидуально) не можем оказаться из-за нашей личной временности. Как ни называй силу, управляющую жизнью, — Природой или Богом, создав нас, эта сила сразу определила наше место во времени и в пространстве. Личное присутствие каждого из нас в той или иной эпохе, в том или ином веке от рождения определено, мы не можем выбрать другое время, при этом, правда, на пространство мы управу нашли. А вот коснуться давно вымершего трилобита, увидеть своими

Буров Алексей Владимирович — физик, философ. Родился в 1956 году в Новосибирске. Кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Национальной ускорительной лаборатории им.Ферми, США.

Прашкевич Геннадий Мартович — прозаик. Родился в 1941 году в селе Пировское Красноярского края. Автор многочисленных повестей и романов. Живет в Новосибирске.

Публикации в соавторстве в «Дружбе народов»: эссе «О красоте» (2016, № 1), «О молчании» (2016, № 6), «О понимании» (2017, № 4), «О пошлости» (2017, № 7), «О правде и о вечных вопросах» (2017, № 12), «О цели и направлении» (2018, № 5), «О знании, непостижимом разумом» (2018, № 10), «О хороших и не очень» (2019, № 2), «Об одиночестве» (2019, № 5), «О страхе и мужестве» (2019, № 10).

глазами живого гребнистого диметродона (что уж говорить о таких загадочных и трудно представимых существах, как дикинсония или чарния), мы никогда не сможем, как и обнять своих дальних, очень дальних (во времени) потомков, мы только знаем о них, предполагаем...

А будущее интересно всем.

Оно кажется нам даже более реальным, чем прошлое.

Потому, наверное, что прошлое мы сами же постоянно и бесцеремонно перестраиваем, перекраиваем, переименовываем, часто бездарно и противоречиво. Достаточно влиятельному политику или даже профессиональному историку внести в историю свои (только им осознаваемые) коррективы, как весь мир начинает корчиться, как под ударами. Само наше далекое, подернутое дымкой тысячелетий, загадочное всегда прошлое теряет нежные цвета, наливается угрюмыми тонами. Это мы опять, это мы опять *вмешались*, и кто-то (или что-то) противится этому.

А будущее? Оно как?

Мы ведь его не знаем, мы его только создаем.

Создаем, а потому, наверное, уже сейчас (по давней чисто человеческой привычке) уже перестраиваем (по аналогии с прошлым).

Так что же оно такое — наше будущее?

Как надо относиться к нему? Энергично строить? Или ждать?

Великий грек Платон много рассуждал о власти ученых и философов-гуманистов. Он был убежден, что следует изучать идеи, не вещи. Вещи гибнут, исчезают, а высказанная идея вечна. Политическим идеалом Платона являлась стабильность государства. Каждый человек в государстве обязан выполнять определенную ему работу — это справедливо. Неравенство сословий (по мнению Платона) — тоже справедливо. А любой добропорядочный гражданин должен иметь право содержать двух-трех рабов, почему нет? Это уже пять-семь рабов — безнравственно...

Писатель Андрей Платонов в социальной утопии «Чевенгур» представлял будущее несколько иначе. «Теперь жди любого блага, — так говорил один из его героев, потрясенный падением с неба непонятного предмета. — Тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отживевшие дети, — коммунизм дело нешуточное, он же светопредставление!» Главное, вовремя расчистить площадку для нового светлого мира (будущего). «Организуем фонтаны, землю в сухой год намочим, бабы гусей заведут, будут у всех перо и пух, — цветущее дело!» И чтобы сразу и окончательно организовать такой чудесный, такой простой коммунизм, строители сутками валяются на полу нищего деревянного барака, размышляют. Куда торопиться? Чего надрываться? Зачем гнуть спину, рвать мышцы? Всякая работа сама по себе — это уже уступка уничтоженному капитализму, она производит продукт, а продукт снова и снова приводит к эксплуатации. «Коммунизм же придет сам. Если в Чевенгуре нет никого, кроме пролетариев, — больше нечему там быть».

«Дванов (еще один герой платоновской утопии. — *Г.П.*) в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выволола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем, — не нивой, а порожним плодородным местом. И Дванов не спешил ничего сеять; он полагал, что хорошая почва не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь небывшим и драгоценным, если только ветер войны не принесет из Западной Европы семена капиталистического бурьяна...»

Образы будущего неисчислимы, перечислять их нет смысла.

Цветущие нивы, сияющие города, счастливые люди, обласканные животные.

Вся эта бесконечная и трепещущая цепь живого — от загадочных первичных одноклеточных организмов, появившихся когда-то на планете Земля, до влажных

круглых девонских рыб, пермских сеймурий, триасовых иктидописов, юрских динозавров вплоть до современных обезьян, спортсменов, поэтов, политиков (до нас с вами), — вся эта цепь прорастает в будущее, строит, формирует его...

Я думал обо всем этом второго июня две тысячи девятнадцатого года в пути из кузбасского города Кемерово на станцию Тайга, где прошло мое детство. В сущности, как нам всем свойственно, я пытался вернуться в свое собственное прошлое, уже далекое, утерянное, не всегда бывшее веселым, но все равно счастливое, понятно, в тех объемах, что нам были отпущены. Был вечер. Дорога вела нас сквозь летний лес. Мы въезжали, въезжали, бесконечно въезжали под какую-то волшебную арку, выстроенную соснами, березами, нависшими облаками, ярко высвеченными заходящим солнцем. Все вокруг пылало, сияло, все обещало нечто невероятное (будущее), ведь не могут же такие праздничные закаты заканчиваться ничем! Наши северные умеренные леса глубоко человечны. Они несколько не похожи на небритые шерстистые пальмы тропиков. Мир вокруг пылал, мы неслись на закат, в будущее. Ведь мы всегда стремимся (по крайней мере, должны стремиться) в будущее. Что бы мы ни делали, мы движемся в будущее. Даже ничего не делая...

Позже (в поезде) я снова вспоминал Женю Ёлкина.

Мы написали с ним книгу «Берега Ангариды» — о прошлом.

Мы, дети голоцена, работая над книгой, конечно, задумывались о будущем.

Каким оно будет, это наше приближающееся и приближающееся, вечно только приближающееся будущее (общее и личное)? Как мы к нему придем? Какие усилия придется нам приложить? Специалист самого высокого класса палеонтолог Ёлкин представлял путь в будущее достаточно реалистично. Он много опасался. Он много думал (уже тогда, лет двадцать назад) об антропоцене, о новой (*нашей*) геологической эпохе с таким уровнем человеческой активности, что главной силой, постоянно и неуклонно меняющей Землю, становится именно человек; именно он, человек, в антропоцене (в нашем времени) кардинально меняет всю сложившуюся за миллиарды лет экосистему планеты, а проще говоря, безжалостно вытесняет все живое (кроме себя) с мировой сцены.

Отсюда странный, так тревожащий нас парадокс: эпоху процветания миллионов живых видов человек превращает в эпоху их (видов) вымирания. Именно человек, его активность достигла такого уровня, что стала причиной многих биогеофизических изменений планетарного масштаба, вывела планету Земля из того относительного равновесия, в котором она находилась в эпоху голоцена; именно человек стал главным фактором катастрофического изменения окружающей среды. Он меняет климат, преобразует гигантские регионы, катастрофически увеличивает уровень парниковых газов в атмосфере, и все такое прочее.

Как же так? Царь природы — и массовое вымирание?

К сожалению, это факт. Уже определены девять главных «планетарных границ», критических величин, превышение которых приведет жизнь на Земле к гибели. Приведет, так сказать, к *последнему* (Великому) вымиранию. Четыре границы из девяти мы уже пересекли: катастрофическое изменение климата, стремительное вымирание флоры из-за хищнической эксплуатации земель, утрата биоразнообразия в результате столь же катастрофического исчезновения животных видов, наконец, необратимые биогеохимические изменения (фосфорный и азотный циклы).

Я уже говорил: все, что мы делаем (или не делаем), ведет нас в будущее.

Наши идеи и поступки формируют его. Как можно жить без будущего? Да, конечно, его как бы и нет, оно только приближается, приближается, приближается (или это мы приближаемся к нему), но мы знаем — оно все равно будет...

Об этом говорили и Его ученики, кого бы мы под этим ни подразумевали.

Они, Его ученики, постоянно напоминали о том, как легко можно выронить из рук этот чудесный хрустальный шар — нашу планету; как легко можно обрушить истинное, единичное чудо жизни.

«Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его».

(От Матфея, 13:31-32)

«И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какую притчею изобразим его? Оно — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные».

(От Марка, 4: 30-32)

«Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его».

(От Луки, 13: 18-19)

И это вовсе не о каком-то абстрактном Царстве Божием.

Это о нас. Это о нашем (общем) не таком уж далеком будущем.

Вы, Алексей, однажды в письме написали мне: «Меня тревожит в глобальном масштабе лишь одно, Геннадий Мартович: что человечество деградирует настолько, что окажется творчески бесплодным».

Тоже вариант Будущего.

Об этом я и думал, глядя на пылающий закат.

К счастью, в том вашем письме приписка была: «Надеюсь, этого не случится».

Алексей Буров

Вечная жизнь — напряженный творческий труд

Дорогой Геннадий Мартович, очень рад, что вам запомнилось это высказывание о творчестве. Надежда на его нескончаемость у меня на самом деле больше, чем просто надежда, что и попытаюсь пояснить.

Будущее — одно из самых напряженных слов; оно крепко заряжено тревогой, заботой, ужасом, тоской, надеждой и утешением. В лекциях по истории религий Андрей Борисович Зубов рассказывает о населенном финикийцами древнем Ханаане и его колонии Карфагене, где главным богам приносили в жертву первенцев знатных фамилий. Безумие; но так ли далеко ушли от финикийцев наши современники, благословляющие сыновей на параноидальные войны? А если вспомнить ЧК и ее производные, то не окажутся ли древние жертвоприношения Баалу и Танит лишь бледной тенью гекатомб идолам светлого будущего, социалистического отечества и величия России? Ведь если светлое будущее — это какой-то вечный праздник, от которого истомившийся народ отделяют лишь группы каких-то дурных людей, то почему бы этих врагов не уничтожить? Так рассуждал Родион Раскольников, так судили миллионы его последователей несколько десятилетий спустя. Правда, Раскольникова замучила потом совесть, а много ли известно историй о мучимых

совестью советских палачах из органов? Увы, мне не известно ни единого такого случая; если таковые и были, их очень немного.

Ошибся, получается, Фёдор Михайлович, сквозь розовые очки смотрел.

Жизнь показала, что ради светлого будущего, оказывается, можно преступить все что угодно и никаких мучений потом не испытывать, даже гордиться, с медальками важно ходить, почетную пенсию аккуратно пересчитывать. Много страшнее оказался человек, чем думал Достоевский. Голос совести, выходит, не является решающим возражением; голос сей как-то легко устраняется — во всяком случае, когда террористы и палачи действуют не в одиночку, а сообща. В Страшный Суд они не верят, над *еврейскими народными сказками* смеются, а от счастливых обитателей будущего ожидают заслуженной благодарности, пусть и безымянной.

И как возразить? Сказать, что в их расчеты вкралась досадная ошибка?

На каком основании можно обличать во зле проповедников и исполнителей революционного террора, а также и прочих злодеев? На основании категорического императива? Так они его отвергли, и притом на деле. Один лишь имеется тут аргумент, и полагаю, он не нов: есть Бог, и Он спросит с каждого за все. Отрет всякую невинную слезу и воздаст за нее.

Но если так, то почему же всеблагой и всемогущий Бог позволил пролиться целому океану невинных слез? Ради райского будущего? И раз уж сам Создатель не нашел ничего лучшего, то он либо не слишком могуществен, либо не слишком благ, и тогда какой же он нам судья?

Это опровержение платоновской идеи о всесовершенном Боге было высказано еще Эпикуром (342—271 годы до Р.Х.).

Проблема совместимости божественного всесовершенства с присутствием в мире боли и страданий была обозначена Лейбницем как теодицея, оправдание Бога; нередко она называется еще проще — проблемой зла. В католицизме, православии, основных протестантских конфессиях общепринята теодицея св. Августина (354—430): мир был создан совершенным, зло же вошло в него из-за грехопадения первых людей, ставшего, в свою очередь, возможным в силу свободной воли Адама и Евы и, надо полагать, Змея. Таким образом, совершенство первоизданного мира с логической необходимостью несло в себе семя своего повреждения.

Все же эта блестяще обернутая концепция спонтанного нарушения совершенства не свободна от серьезной критики.

Наиболее сильное, на мой взгляд, возражение состоит в том, что всемогущий Творец все же мог создать множество свободных существ, которые бы не были подвластны соблазну, да еще с такой легкостью, как Ева и Адам; многие добродетельные и мужественные люди, не говоря уж об Иисусе Христе, выдерживали тяжелейшие испытания, оставаясь верными долгу.

Другое возражение состоит в том, что миф о совершенной первой паре находится в разительном противоречии с обширными данными антропологии, указывающими на постепенное выделение человека из животного мира, постепенную эволюцию. Дело даже не в том, что никаких следов подобной пары (Адам и Ева) антропология не обнаруживает; это было бы еще полбеды. Противоречие гораздо серьезнее: такую пару даже гипотетически на антропологическом древе поместить некуда.

Многие возражения библейскому теизму несостоятельны, поскольку основаны либо на незнании предмета, либо на недомыслии. Проблема зла — это действительно серьезный, глубокий вызов; недаром ему посвящена одна из книг самой Библии — Книга Иова, о которой мы уже как-то говорили с вами, Геннадий Мартович, но тему, конечно, не исчерпали. Оказавшись на самом краю жизни, Иов испытал потрясение открывшейся ему красотой и премудростью космоса, и это потрясение восстановило в его душе доверие к Богу, хотя и не пролило света на смысл его страданий. Как утверждает мой друг, плотник и библеист Дэниел Грубер, этот смысл и состоял в прозрении Иова, в обогащении его связи с Богом через то, что Альберт Эйнштейн назвал космическим религиозным чувством. Страдание Иова оправдано как условие

духовного роста, отнюдь не ограниченного сроком одной земной жизни. Духовный рост есть высшее назначение человека, о чем говорят на разный лад и притчи Христовы о Царствии Божием внутри нас. В притчах о талантах, о закваске, о сеятеле, и, конечно же, о горчичном зерне, Господь дает эволюционный образ человека, где через личное усилие могут быть реализованы высшие потенции. Вот тут и лежит, по моему убеждению, решение проблемы теодицеи, проблемы зла.

Первое и самое главное, что мы узнаем о человеке из Вечной Книги: Бог создал мужчину и женщину по образу и подобию Своему.

Как это понимать? Разве может существо, ограниченное ничтожными рамками земной жизни, быть подобным Создателю Вселенной, со всеми ее величественными чудесами? Это подобие можно мыслить лишь динамически, эволюционно, как постепенную актуализацию гигантской духовной потенции, и вдобавок на масштабах, не только много больших одной жизни, а скорее всего, даже и рамок Вселенной. Если Отец наш творит миры, то и мы, Его дети, тоже, по мере взросления, должны участвовать в этом. Самое же важное наше участие, делающее нас богоподобными в самом глубоком смысле — это активная вовлеченность в становление самих себя.

Представим на минуту, что Бог создал людей сразу же настолько совершенными, что все те грехи и злодеяния, коими богата история, были бы невозможны. В таком случае человечество не участвовало бы в созидаании себя на важнейшей начальной стадии, за отсутствием оной. Наше богоподобие было бы значительно обеднено в таком случае. Вот поэтому мы и не лишены этой нелегкой стадии. Поэтому, опираясь на данные антропологов и историков, мы и видим человека не павшим с высоты совершенства, но медленно и трудно выходящим из животного царства, тут и там спотыкающимся, разбивающимся в кровь, плачущим, проклинающим все на свете, думающим редко и плохо, но все же идущим вверх.

Вверх идти трудно. Страдания на этом пути — это важная часть того мотора, который действует в нас, побуждает к действию, к поиску нового. Вызов старых и новых трудностей — необходимое условие духовного роста. Мы ленивы и нелюбопытны, сокрушался Пушкин. Да, люди преимущественно спят, средства же Создателя выводить нас из этой первичной спячки ограничены условием свободы человеческой воли. Природные катастрофы, с их величественным ужасом — одно из таких средств; поэтому они и случаются. Примерно в таком ключе думали ранние отцы Церкви — Ориген и Иреней; из современных теологов наиболее основательно эта *иренейская теодицея* разработана у Джона Хика (John Hick, 1922–2012).

Ну, а что же такое тогда — известная библейская история о грехопадении? Не теряет ли она смысл? Нет, не теряет, но требует небуквального понимания, как и многие истории Святого Писания. Ведь что предложил Еве соблазнивший ее запретным плодом Змей? Предложил не доверять Богу и обрести самостоятельное могущество: нет, не умрете, но будете как боги. Змей, искусно переплетая ложь и правду, переводил людей из уютного детского сада в трудную школу; из состояния инфантильности — к подростковым вызовам, болезненным проблемам и бунту, но также и к постепенному взрослению.

И что же получается? Змей в итоге сыграл и продолжает играть свою весьма полезную роль? Так и не так; роль Змея амбивалентна. Духовная зрелость означает способность преодолений соблазна, но ее реализация невозможна без многократных столкновений с последним. Потому всевидящий Бог и не оградил людей от Соблазнителя. Ну а коли так, то человек создан отнюдь не для праздника светлого будущего. Сплошного праздника как не было, так и не будет никогда, ибо замысел о человеке иной. Самое главное в нем — дети должны расти; растут же они в напряженном труде, в ситуации вызова со стороны природы и других людей, в условиях опасности и трагедии. Душа склонна к лени и ко сну, но она обязана трудиться, как напоминал Николай Алексеевич Заболоцкий. И для содействия росту, который всегда труден, она получит свою меру ударов судьбы, важных как для этой жизни, так и для последующей.

На этом месте некоторые наши читатели могут возмутиться.

Как он, автор, смеет оправдывать страдания, оправдывать зло? На каком основании все это возвещает? Кто он вообще такой? Физик? Вот пусть и занимается своей физикой и оставит в покое то, в чем специалистом не является.

Что я могу сказать на это?

Я стремлюсь понять мир, понять в целом, построить приемлемую картину, охватывающую бытие в самых важных аспектах. В готовом виде я такой картины не нахожу; очевидно, ее нет. Более того, я не нахожу людей, удовлетворительно владеющих основными составляющими такой картины. Философы, как правило, не понимают, что такое физика, даже и философы науки. Физики, как правило, понятия не имеют о проблемах картины мира в целом. И те, и другие зачастую плохо понимают искусство и религию. О бездне своих непониманий я скромно умолчу. Экспертов по единой картине мира нет, а выстраивать ее важно. Когда ученики спросили Христа, как отличать истину от заблуждений, ответ был: *по плодам их узнаете их*. Картины мира имеют первостепенное значение в индивидуальной и общественной жизни, отвечая не только на глобальные вопросы о сущем, но и о должном. Какую-то картину мира, наверное, имеет каждый человек, если только он не превратился в полного зомби, не раздробился на бессмысленный поток экспертиз, ощущений и импульсов. Глобальная картина не только отражает, но и задает бытие, имеет добрые или ядовитые плоды, и потому жизненно важно ее критическое осмысление, качественная публичная дискуссия вокруг картин мира. Вот я и выстраиваю картину на свой страх и риск, делясь построениями не только с другом — Геннадием Мартовичем, но и со всеми интересующимися. Делюсь и приветствую всех, кто со всей серьезностью делает то же, стремясь учесть физику, метафизику, этику, историю, теологию, искусство, свою собственную мысль, не соглашаясь при этом на бессмыслицу.

Когда спрашивают, верю ли я в Бога, мне требуется пауза для ответа.

Мне не нужно верить в то, что у Вселенной есть сверхразумный создатель: на это, прежде всего, указывают весьма особенные законы физики, соединяющие в себе математическую элегантность, универсальность и антропность. Мне не требуется верить в то, что создатель Вселенной создал также и жизнь; идея о случайном зарождении жизни и, далее, видов, мне представляется безумной в свете неразложимой фантастической сложности даже самой простой клетки, далеко превосходящей сложность всего завода «Боинг» и романа «Война и мир». Мне не требуется верить в то, что мышление, дошедшее в своем развитии до открытия фундаментальных законов Вселенной, имеет своим истоком божественное семя — никак иначе такое согласие бытия и мышления не объяснимо. Но вера мне все же требуется; я верю, что Создателю этой величественной Вселенной есть дело до каждого человека лично, что Он каждого из нас любит, как своего ребенка, принимая важнейшее участие в наших судьбах, хотя и скрытно, ради нашей свободы. Да, и это убеждение разумно: человек есть тот, кто может удивить Бога, а потому Богу он должен быть и особенно интересен. Странно было бы думать, что Вселенная была создана ради прозрачных в глазах Творца атомов, амёб или даже зайцев. Все эти создания остаются теми же сейчас, как и в момент творения, исчерпываясь изначально заданными качествами. Существенно меняются, наращивая в себе творческие слои, лишь мыслящие существа, из которых нам достоверно известен только человек. Так что особое внимание Творца к тем, кто растет в своем подобии Ему, достаточно подсказано разумом, вера и здесь не очень требуется. Но все же есть дистанция между заинтересованным вниманием и отеческой любовью; эта дистанция и покрывается у меня встречной любовью, восхищением, благодарностью и доверием.

В этом, прежде всего, и состоит моя вера в Бога.

Ведомый этой логикой, я заключаю о том, что жизнь после смерти не кончается для тех душ, что не погубили свой потенциал развития, свои горчичные семена; и уж тем более не заканчивается она для тех, кто таланты приумножил, в ком зерна взошли. Неразумно было бы, с точки зрения Небесного Отца, терять тех детей, кто рос бы и

далее, радуя и удивляя Его. Библия воздерживается от описаний Ада и Рая, вечной жизни. Но одно кажется несомненным: Рай может быть лишь следующей ступенью приближения к Богу, роста в образе и подобии Творцу. Иными словами, Рай есть пространство дальнейшего раскрытия творческих потенциалов достойных его душ. Вечная жизнь — это не праздный отдых, не сладкий сон, но напряженный творческий труд на пределе возможностей, несущий, стало быть, не только новые победы, но и новые поражения. Жизнь души если когда-то и может закончиться, то лишь в случае истощения ее возможностей, когда ей уже нечем будет удивить себя и своего Отца. Раю может предшествовать Чистилище — своего рода госпиталь для способных к излечению, для восстановления сил. Ну, а Ад мне видится как погружение в ничто тех, кто уже ни на что доброе не способен. Перед таким погружением я бы хотел видеть эту публику за индивидуальными просмотрами фильмов о собственных злодеяниях, со всеми деталями. Возможно, некоторых злодеев, а может быть и всех, такие фильмы привели бы к глубокому раскаянию и переходу в Чистилище.

Ваш замечательный друг палеонтолог Ёлкин верил, как и герои романа «Чевенгур», в вечную праздничность будущего. В отличие от чевенгурцев, однако, Ёлкин не думал, что этот праздник придет сам собой, он опасался многих проблем и, самое главное, был увлечен замечательным делом, которому отдавал жизнь. Мечта о будущем празднике не заслоняла для него значение и интерес настоящего дела, в котором и реализовывалась его личность. Более того, думаю, что Ёлкин был неслабым палеонтологом и хорошим другом не только не благодаря, но и вопреки этой разделяемой им всенародной мечте.

Сахарный идеал будущего как сплошного праздника хуже, чем просто поверхностен: этот футуристический китч депрессивен, аморален и деструктивен. Он депрессивен, ибо тяжесть и трагедия жизни, которые всегда с нами, предстают роковыми случайностями, обесмысливающими всю жизнь. Он аморален: порождая образ человека, ущемленного непопаданием на праздник будущего, прозябающего на его задворках и лишь унавоживающего собой почву будущих садов, этот идеал дает ход потоку обид и претензий к людям и Богу. Этот поток, в свою очередь, враждебен этике ответственности, труда, благодарности и самопожертвования, питая озлобленность и цинизм. И наконец, такой образ будущего социально деструктивен, ибо ни семейные, ни деловые связи на аморальном базисе выстроены быть не могут. Общество, где доминирует идеал будущего как праздника, может представлять собой лишь комбинацию войны всех против всех, мафиозности и тирании.

А как же тогда жив Запад с его потребительским раем, внушаемым со всех рекламных картинок? — могут меня спросить.

Ну, Запад пока еще жив, несмотря на натиск этого китча.

Он жив, благодаря старым своим корням, старой религии благодарности и жертвы, которая отнюдь не сошла со сцены, хотя и теснима. Недаром плодотворнейшей страной современности является одна из тех, где христианство особенно сильно, где Библия по-прежнему особо читаема...

Возвращаясь к тому, с чего начал, могу суммировать: творческий дар составляет саму сущность человечества; в условиях его развития раскрывается смысл страданий и смысл истории. Упомянутая вами опасность полной утраты человечеством этого дара меня может лишь пугать, как бессмысленный кошмар, которого много чего допускающий Бог, верю, не допустит.

Таким открывается будущее в моей глобальной картине.

Картина эта, постепенно раскрывающаяся в нашей переписке, есть некий пазл, складываемый мною в течение всей жизни. Важнейшими принципами указанного складывания являются учет главных составляющих, недопущение бессмысленности картины и требование сильнейшей критики. Я благодарен всем, кто ищет лучшие ходы не только за моих белых, но и за моих черных; лишь при таком поиске партия и важна. Так что, огромное спасибо вам, дорогой Геннадий Мартович, за все ваши письма!